

УДК 39

ЭТНОНИМЫ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ ЛАТЫШЕЙ (20-30-ЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА)

д-р истории Т. КУЗНЕЦОВА
Даугавпилсский Университет

Имеет ли смысл обращение к этнонимам и устной традиции в исторических исследованиях? Ответ на сей вопрос зависит от нашего понимания предмета исторической науки.

Признание того, что содержание исторического процесса составляют не только акты физической деятельности людей в различных её сферах и уровнях, но и эмоционально-ментальный мир людей, придаёт любой частной истории (хозяйственной, военной, города, спорта, учреждений и т.д.) культурное измерение. Так в политической истории, в частности, истории становления государственности, существенное значение имеет выявление наличных и формируемых представлений об Ином / Иных, причём, не только внешних, т.е. находящихся вне данной, государствообразующей человеческой общности и территории, ею населённой, но и внутренних, т.е. расположенных внутри данного сообщества и его территории. При этом, как первые, так и вторые могут представлять в качестве «других», т.е. отличных, но привычных и потому принимаемых, и тем самым, включаемых в «своих», или чужих – отличных и отторгаемых.

Обнаружению имеющих место быть представлений могут служить различные формы устной традиции, которая в силу своей повторяемости закрепляет в подсознании аудитории эти представления. Такая форма устной традиции как исторические предания приоткрывает завесу над отношением, главным образом, к внешним Иным, тогда как народные анекдоты – небольшие бытового характера рассказы – над отношением, прежде всего, к внутренним Иным.

Значимость же обращения к этнонимам в устной традиции проистекает из понимания социальной функции имени. Номинация утверждает бытийность как таковую в её надвременности. Поэтому она всегда создаёт модель мира, т.е. осевые координаты восприятия природно-социально-предметного мира. Среди имён, к анализу которых сегодня заметно повышенное внимание исследователей (см., напр.: Фоссье [1]), немаловажное место занимают этнонимы, т.е. обозначения человеческой общности, осознаваемой как отличная, особенная и потому отделенная от других, равно как и обозначения человека по принадлежности к ней. В силу этого этнонимы указывают на известное обособление, очуждение и отчуждение Иного, степень которого может быть различной: от другого до чужого. Кроме того, этнонимы, включая индивида в некое социальное целое / разного уровня группу отличают, тем самым, меру индивидуализации человека в ощущении / понимании носителей устной традиции, о чём свидетельствует частотность употребления этнонимов. К тому же этнонимы в качестве самоназвания обнажают элементы самосознания «авторов» и аудитории как исторических преданий, так и народных анекдотов.

Анализ этнонимов позволяет, во-первых, определить реальное, значимое и зафиксированное в памяти людей социальное пространство, т.е. систему коммуникации в её этническом измерении; во-вторых, выявить наличные представления о себе и Иных; в-третьих, определить имеющую место быть и транслируемую во времени и пространстве модель отношения к человеку и людским общностям, и наконец, в-четвёртых, определить степень духовной интегрированности людей, объединённых территорией, инфраструктуру которой составляют их места встреч.

Для истории Латвии, государственность которой является юной, обнаружение этнонимической картины в устной традиции представляется весьма важным в силу особенностей состава населения молодого государства – он полиэтничен¹, формировался на протяжении столетий и не имел этнических анклавов.

К текстам устной традиции латышей, используемым в данной статье, относятся исторические предания и народные анекдоты. Первые, собираемые и записываемые с последней трети XIX века, частично (главным образом, прежде неизданные тексты) были опубликованы в 1988 году в составе 826 единиц (Latviešu tautas teika).

Народные же анекдоты, собранные известным фольклористом Петерисом Биркертсом (1881-1956) в четыре объёмистых тома, увидели свет в 1929–1930 годах. Анализ устной традиции латышей в данных двух формах показывает, во-первых, высокую меру насыщенности как исторических преданий, так и в ещё большей степени анекдотов, этнонимами. Это уже само по себе говорит о значимости этнического видения человека, исчерпанности его «я» включённостью в общность, которая осознаёт свою обособленность. Т.е. обилие этнонимов, с одной стороны, отличает частоту контактов между людьми разного этнического происхождения, что и побуждает к осознанию ими себя и соотносению с другими, а с другой стороны – весьма слабую интегрированность их, внутреннюю разобщённость людских групп, живущих на одной и той же территории.

Во-вторых, упоминаемые в исторических преданиях этнонимы отличаются не только их количеством, но и многообразием. Так в исторических преданиях чаще всего встречаются обозначения шведов (245 раз), русских (138 раз), немцев (89), латышей (78), поляков (37), французов (26) и т.д., в анекдотах же чаще всего упоминаются цыгане и евреи (жиды), но также и русские, немцы, литовцы. Сам факт такого этнонимического разнообразия указывает на территорию Латвии как на зону потенциальных, весьма активных контактов, однако, инициативной стороной в них были не латыши, судя по редкости глагольных форм действия, которыми сопровождается упоминание этнонима «латыши».

В исторических преданиях они предстают первородными обитателями земли, на которую претендуют бесконечные волны Иных. Да и сам этноним «латыш» появляется в текстах тогда, когда речь идёт о том, кому принадлежит или будет принадлежать территория, которая, ввиду частого упоминания древних замков латышей, давно ими освоена. Таким образом, утверждается этническая окрашенность страны / земли, что заставляет вспомнить архаические, с мифологическим мышлением связанные, представления о пространстве, его органической связи с человеком / людской общностью (см., напр.: «Страна Хатти», «Луна, упавшая с неба»).

¹ По переписи 1920 года 83, 40% населения составляли латыши, 5,43% – немцы, 2,07% – русские, 4,55% – евреи и 4,95% – прочие [2, с. 259].

Наиболее высокой частотностью упоминания в исторических преданиях обладают этнонимы, указывающие на внешних Иных – шведов и т.д., в народных анекдотах же – на внутренних Иных – цыган и жидов, инаковость которых проявлялась и в их физическом облике – чёрных волосах цыган и курчавых головах евреев. Контекст упоминания последних этнонимов свидетельствует о частой и разнообразной по характеру коммуникации между представителями соответствующих этнических групп (цыган и евреев) и латышами. Они предстают в анекдотах людьми близкого, сопоставимого социального уровня, однако при этом, латыш неизменно номинируется как хозяин. Латыш в качестве хозяина является фигурой статичной, цыгане же и евреи, будучи ремесленниками – плотниками, портными, торговцами, работниками, - благодаря своим занятиям, требующим постоянного движения, становятся подобными нитям, образующим ткань общества, превращаются в социальную инфраструктуру сообщества – латышей, да и немцев. Таким образом, цыгане и евреи с точки зрения латышей оказываются не чужими, а другими своими. К таким же внутренним другим своим относятся и немцы, реально весьма значимая группа в составе населения Латвии. Именно они создавали ценностную систему, определяли жизненные ориентиры и нормы поведения латышей.

Немцы номинируются в исторических преданиях и анекдотах достаточно редко, гораздо чаще этноним «немец» заменяется социально-функциональными определениями: барон, помещик, пастор, упоминания которых зачастую сопровождается их личными именами.

Подобный характер ведения в рассматриваемые тексты этнонима «немец» представляет их как своих других, входящих в единую иерархическую общность, в коей они занимают парадигмальное место, о чём говорит, например, неоднократно фиксируемое в народных анекдотах желание латышей общаться на немецком языке, ещё не владея им.

Главным признаком инаковости своих других является языковое недопонимание, которое возникает в процессе устной коммуникации. Она же свидетельствует об определённом, прагматически обусловленном стремлении овладеть языком (латышей – немецким, немцев – латышским), а значит, об известной открытости Иному, без которой из разрозненных человеческих групп не возникает общество. Но, однако, превалирующее этническое видение человека, транслируемое устной традицией, привычность этнической модели восприятия человека сделает возможным в ближней перспективе, например, курс латышизации, провозглашённый после государственного переворота, совершённого Карлисом Ульманисом в мае 1934 года, а в далёкой перспективе станет препятствием в процессе образования и укрепления молодого общества и государства.

К внутренним же чужим относятся русские, о чём свидетельствуют как исторические предания, так и народные анекдоты латышей.

Территория, населённая латышами, рисуется в исторических преданиях полем битв различных воюющих сил – шведов, поляков, французов, одной из которых были русские, что позиционирует их как чужих, пришельцев:

- когда русские с поляками воевали в Видземе [3, с. 326];
- шведы воевали с русскими [3, с.332, 350];
- во время русско-шведской войны [3, с. 342];

– французы, сражаясь с русскими полками. [3, с. 369];

Описание русских, в отличие, например, от описания шведов, немцев, чаще безоценочно, с однозначным, весьма скудным набором глаголов, указывающих на физические действия: - замок разрушили русские [3, с. 326]; - когда русские победили [3, с. 322]; - русские пришли [3, с. 378]; - русское войско находилось на своих позициях [3, с. 333]; - тогда как в рассказах о шведах встречаются глаголы намерения:

– однажды шведы захотели захватить Добельский замок [3, с. 338];

– шведы решили начать копать пещеру до замка [3, с. 338];

Глаголы восприятия: - тогда швед увидел ... [3, с. 344].

Встречаются в исторических преданиях при описании шведов и их эмоционально-окрашенные характеристики, например, «такие эти шведы мудрецы» [3, с. 338]. При этом неоднократно упоминаются «шведские времена», что говорит об ощущаемой / осознаваемой законченности этого качественно определённого времени и подчёркивает дистанцию между этим временем и временем рассказчика. Прошрое, таким образом, воспринимается как завершённое в себе, отсутствующее в настоящем и именно потому его актуализация в рассказе может приобретать многогранность и оценочность.

Известная бедность описания русских в исторических преданиях, пожалуй, указывает на дрящееся их присутствие, на незаконченность контактов с ними, которые, тем не менее, приходят как чужие и таковыми остаются.

О длительном, укоренённом пребывании русских среди латышей говорит и употребление этнонима «русский» в качестве не подлежащего, а определения, характеризующего учреждения, в частности, школы. Так, например, в предании, записанном в Талсах, рассказывается о «русской школе», учителя которой оказали помощь девочке, потерявшей сознание [3, с. 92]. Ещё одним фактом, подтверждающим длительную и дрящуюся жизнь русских в латышской среде, является упоминание русских не только в контексте военных действий, но и в повседневной жизни. В ней они обнаруживают завидную независимость, своеволие, неподчинение, невписанность в существующую систему отношений, в частности, непризнание прав собственности на лес и его плоды, и в то же время русские, судя по преданиям, обладают определённой правовой защищённостью, отличающей их от коренных жителей / латышей. Так в предании, записанном в Тукумсе, говорится о некоей знатной даме, жене хозяина большого имения, которая вышла прогуляться и увидела, что в лесу, принадлежащем им, какая-то женщина собирала грибы. «Она стала бранить пришлицу: «Что ты собираешь мои боровики? Хочешь, чтобы тебя выпороли?» Грибница, девица дородная, русская, совсем не испугалась госпожи и сказала ей: «Как тебе не стыдно по лесу ходить? Разве у тебя нет сада, где гулять?» В конце концов, девица ещё даму выпорола. Та обратилась в суд. И суд спрашивал, как эта собирательница грибов выглядела? Была с длинными зубами. На суд вызвали всех местных женщин, но с длинными зубами ни одной не оказалось. Виновную не смогли найти, и эта дородная девица осталась в целостности и сохранности [3, с. 298]. В самом повествовании чувствуется некая зависть к такой вольности, известной асоциальности, которая проявляется в игнорировании иерархии лиц, заметной психологической несвязанности с владельцами усадеб.

Независимость от местных помещиков, способность противостоять их давлению, судя по некоторым преданиям, была связана с определённой правовой защищённостью русских. Так в предании, записанном на острове Доле, название местечка «Аннушка», находящегося в конце острова по направлению к Риге, так же как и название другого местечка, находящегося на берегу Даугавы напротив острова, «Марьюшка», объясняется тем, что там жили две женщины, русские, обладательницы этих имён. Они держали небольшие кабачки, в которых часто останавливались плотогоны [3, с. 429], что свидетельствует о весьма широком и интенсивном общении русских с местными жителями. В этом же предании рассказывается о том, что владелец имения Доле судился с Аннушкой, добиваясь её вытеснения. На что Аннушка заметила; «У меня договор золотыми буквами на телячьей шкуре написан». И не удалось помещику ничего Аннушке сделать [3, с. 429].

Таким образом, отмеченное в исторических преданиях позволяет сделать вывод о том, что русские в них предстают своими, по близости сосуществования в физическом пространстве и чужими по ментальности и, соответственно, поведению. Но ещё более очевидно и выразительно очужение русских проявляется в народных анекдотах. Оно сказывается в весьма поздней жизненной ситуации, описываемой в анекдотах. Главным образом, ситуации войны (Первой мировой), вызвавшей появление латышей – беженцев в российских городах (например, в Петербурге) и русских солдат на территории Латвии. Подобный отбор материала на фоне длительного проживания русских на территории Латвии², свидетельствует о весьма закрытом образе жизни русских, преимущественно, старообрядцев, и ослабленном их контактировании с нерусскими жителями страны. На это указывают, к примеру, и такие особенности описания русских в анекдотах, как, по большей части, их встречи с латышами на дорогах, при одновременном подчёркивании обязательного наличия иконы у русского и воздействия на бога с её помощью. Так в анекдоте, записанном в Кабиле, рассказывается, как «однажды какой-то русский вёз в телеге икону. Другой русский шёл следом и на икону перекрестился. «Ах ты, язычник», – воскликнул первый, «что ты крестишься на икону? Разве своей нет?» [7, с. 287].

Редкость совместного пути русских и латышей, тем не менее, не исключает моментов их встречи, и именно в связи с дорогой, нужное направление которой русскому не известно. И это заставляет его обратиться за помощью к латышу [7, 278, 279 и др.]. Такая ситуация, описанная в одиннадцати анекдотах и выделенная составителем сборника П. Биркертсом в особый подраздел, выпячивает чуждость русских, живущих на территории Латвии.

Глубинной основой очужения русских на территории Латвии (при внешних вынужденных контактах с ними), судя по анекдотам, персонажи которых латыши, оказавшиеся в результате военных действий в российских городах, является известная, весьма характерная внутренняя закрытость латышей, проявляющаяся в отсутствии интереса к другому, в невосприимчивости иной, в данном случае, русской языковой среды, как другой и потому «взывающей к пониманию». И это ведёт к осуждению другой стороны, не знающей ла-

²Как отмечают исследователи, «массовое появление русских на территории Латвии связано с бегством сюда староверов в конце XVII века со стороны Пскова – Новгорода» [6, с. 12].

тышский язык. Так в анекдоте 70-летний рассказчик которого жил на хуторе Калеи в Вандзенской волости, повествуется о том, как латыш-беженец в Ростове хотел купить репу у русского мужика, торговавшего картошкой. Ни один из них языка другого не понимал, но при этом, латыш вёл себя не только не смущаясь, но и вызывающе. Он ткнул кулаком русскому в бок и сказал: «Слушай, русский, ты глухой, что не отвечаешь? Сколько стоит твоя репа?» Русский, догадавшись, что имеет дело с латышом, сказал: «Не понимаю, барин.» «Вот дурак», - сплюнул старый латыш, - у нас все маленькие дети по-латышски говорят, и ты, такой большой мужик, не знаешь латышского языка?» [7, с. 57]. Представление о том, что все должны понимать и говорить на латышском языке, связано с узостью крестьянского мира, тяготеющего к отождествлению с миром большим, находящимся за пределами хутора [8, с. 52–87]. Восходящая к мифологическому способу мировосприятия такая модель поведения сближает взрослого человека с ребёнком.

Встречи латышей с русскими на улицах российских городов, ставшие весьма частыми ввиду массового беженского движения и зафиксированные в народных анекдотах, обнажают ментальные, на уровне способа мировосприятия расхождения между латышами и русскими. Весьма показателен анекдот (записан в Иецаве), героиня которого как беженка попала в Россию³. «Однажды она прогуливалась по улице. На встречу ей идёт русский господин и приветствует: «Доброе утро!» - «Да, господин, одна грязь, одна грязь», - отозвалась женщина [7, с. 56].

Подобный рассказ выявляет не только языковое непонимание, но и способ мировосприятия латышей и русских, для которого характерны, во-первых, ориентация латышей, прежде всего, на среду обитания. Для русских же более характерно обращение к личностному, к человеку⁴; и, во-вторых, вытекающая из указанного оппозиция чистого-нечистого, манифестирующая очуждение и, тем самым, дистанцирование от того, что предстаёт нечистым.

Такие проявления ментальных расхождений, демонстрируя чуждость русских, психологически «подготавливали» латышей к политическому обособлению и уходу их из пространства Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоссье, Р. Люди средневековья / Р. Фоссье ; пер. с франц. А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова, И.А. Эгипти. – СПб. : Евразия, 2017. – 352 с.
2. Skujenieks, M. Latvija: Zeme un iedzīvotāji / M. Skujenieks. – Rīga : A. Krēsliņa spiest., 1927.
3. Latviešu tautas teikas: Vēsturiskās teikas. – Rīga : Zinātne, 1989.
4. Latvju tautas anekdotes. I-IV sēj. – Rīga : Literatūra 1929–1930.
5. Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии. – М. : Художественная литература. 1972. – 207 с.

³ Обратим внимание на номинацию «Россия», которая самим фактом названия указывает на эту страну как чужую по отношению к латышам.

⁴ Сравни, напр., замечание Я. Кродзникса о немце-аптекаре, «долго прожившем среди русских и приобретшем более широкий и, скажем, более человеческий взгляд на народы и языки» [9, с.60].

6. Apine, I. Mazākumtautību loma vēsturē un mūsdienas: Multikulturālas sabiedrības izveidošanās un attīstība/ I. Apine // Mazākumtautības Latvijā: Vēsture un tagadne. – Rīga : Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007. – С. 9–26.
7. Latvju tautas anekdotes III sēj. – Rīga : Literatūra 1929.
8. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич // Избранные труды. – М. – СПб. : Университетская книга, 1999. – Т. 2. – С. 52–87.
9. Krodziniēks, J. Kā es tapu par latvieti / J. Krodziniēks // Tautas audzināšana: Pedagoģiski-Sabiedrisku rakstu krājums. – Rīga : Apg. A. Gulbis, 1923. – С. 60–64.

ETHNONYMS IN THE LATVIAN ORAL TRADITION (LATVIA 1920-1930 YEARS)

T. KUZNETSOVA

Such forms of Latvian oral tradition as historical legends and folk stories are examined in this paper. The analysis of the ethnonyms in the traditions texts shows the Latvian attitude to some ethnic groups in the population of Latvia: German, Jews, and roma were perceived as friendly different, then Russian as friendly strange.